

сталкивается «своя» модель реформирования, имеют субъективную природу (нет компетентных реформаторов, идеологов, организаторов и исполнителей). Такой подход к проблеме российской политики административного реформирования стал сегодня уже преобладающим в трудах политологов и юристов.

«Предел» имеет свои временные характеристики. Внешне выглядит логичным, что если реформирование какой-либо стороны общественной или государственной жизни органично вписано в общую стратегию системных преобразований, то оно не должно проводиться в спешке. Но при этом стратегия реформирования административной сферы, как и многие другие стратегии реформирования, не принимает во внимание поколенческого фактора. То, что для поколения, при котором начиналась реформа, выглядит действительно попыткой элит исправить прежнее, неудовлетворительное ведение дел, для следующего поколения уже становится олицетворением неудовлетворительной организации управления.

Возникает ситуация, когда общество начинает требовать от элит реформирования самого реформационного процесса, инициированного ими. В границы этой логики укладываются, как представляется, разнообразные и почти непрерывные «цветные» революции на постсоветском пространстве и в арабском мире. Как в глазах нового поколения придать продолжающимся и тем же самым, по сути, административным реформам вид новых стратегических и тактических решений – это уже вопрос не структурной организации процесса, а его идеологии, или, точнее, агитационно-пропагандистского обеспечения. В настоящее время в поведении реформаторски настроенных политических элит в России и многих других странах просматривается искренняя убежденность, что само слово «реформа» обладает без-

условным магическим влиянием на политическое сознание граждан, и, повторяя его раз за разом, можно поддерживать в социуме политический энтузиазм и готовность активно сотрудничать с государственной властью.

Но тут обнаруживается, что «предел» имеет и свои ресурсные характеристики. Общество и государство по ходу реформ беднеют, истощают свои ресурсы. Истории в настоящее время неизвестны случаи, когда бы общество и государство наживались на самом процессе проведения реформ. В лучшем случае они впоследствии компенсируют себе затраты и что-то дополнительно приобретают. Но не так много. В противном случае не происходило бы революций, а инструментарий политических преобразований ограничивался бы реформами. Истощение ресурсов активизирует обмен ими между двумя основными политическими субъектами – государством и обществом. И, как и в любом обменном процессе, тут образуется множество посредствующих структур и связей, просто уничтожающих перераспределяемый ресурс. В момент, когда реформирование той же административной системы выходит на этап завершения структурной реорганизации, выясняется, что на наполнение новых структур новыми кадрами, новыми технологиями и новыми стилями работы ресурсов больше нет. Государству как организатору преобразований приходится изыскивать эти ресурсы для доведения дела до конца, а в обществе возникает убеждение, что преобразование лучше закончить. Общество соглашается с тем, что новые структурные подразделения в системе административного управления по качеству останутся прежними, что в них сохранятся клановость, коррупция, протекционизм просто потому, что дальнейшая борьба с этими явлениями беднее в ходе реформ общество ввергнет в полную нищету.

УДК 329 (470)

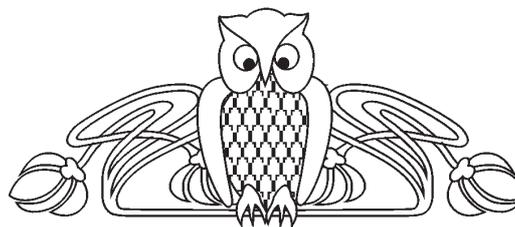
ПОТЕНЦИАЛ И ОГРАНИЧЕНИЯ «ТРАНЗИТОЛОГИЧЕСКОГО» ПОДХОДА К ОБЪЯСНЕНИЮ ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ш. М. Хаутиев

Ульяновский государственный университет
E-mail: sharp1974@yandex.ru

В статье с критических позиций рассматривается «транзитологическая» интерпретация политической динамики в постсоветской России. Указываются ограничения и минусы, налагаемые данным подходом.

Ключевые слова: концепт «транзитология», объяснительная модель, природа постсоветской трансформации.

The Potential and Limits of «Transitology» Approach to Post-Soviet Politics

Sh. M. Khautiev

This article presents an arguments on conceptual limitations of «transitology» theory for post-Soviet explanation. One can say that the

Russian academic community could be able to propose conceptual alternative for better understanding of post-Soviet affairs.

Key words: «transitology concept», research model, nature of post-soviet transformation.

После крушения коммунистической системы зашли в тупик пути познания посткоммунистических государств, а также способы объяснения постсоветской динамики. Возникла настоятельная необходимость заново переосмыслить природу трансформации посткоммунистических сообществ.

В науке утвердилось «транзитологическое» понимание постсоветской политической динамики. Более того, в какой-то момент политические исследования оказались во власти епископальной догмы «транзитологии». Это значит, что в изучение постсоветской Евразии начала поспешно внедряться телеологическая схема в объяснении происходящих изменений. Данная схема подразумевала необходимость движения от прежнего, советско-коммунистического общества (которое характеризовалось как стабильное, но авторитарное) к новому состоянию, которое описывалось в терминах демократии и рыночной экономики. Россия в 1990-е гг. была охвачена спонтанным строительством конкурирующих региональных рынков в сочетании с хаотической фрагментацией государства и строительством протодемократических институтов, что означало тройную трансформацию и, соответственно, тройную сложность¹. Известный немецкий исследователь Клаус Оффе в 1991 г. обозначил данный процесс как «тройной переход» («triple transition»): от авторитаризма к демократии, от плановой государственной экономики к рыночной, от централизованного государства к федеративному². Тогда, в атмосфере посткоммунистической эйфории, мало кто сомневался в том, что политическая система России и Восточной Европы должна реализоваться как демократия. Так задавалась телеология переходного периода о неизбежном наступлении демократии. Как результат, все ждали так называемой демократической консолидации правящих элит в качестве предпосылки окончательного торжества российской демократии³. Однако драматические, а в чём-то и трагические последствия ельцинских преобразований 1990-х гг. породили обширный и устойчивый скепсис по поводу перспектив демократии в России. В ответ для объяснения дефектных характеристик российского «демократического транзита» появились понятия «авторитарная демократия», «гибридная демократия», «нелиберальная демократия», «номенклатурная демократия» и другие демократии с прилагательными.

Данный подход стал привычным и устойчивым за последние десятилетия. Новые государства посткоммунистической Восточной

Европы и СНГ получили название «переходные экономики», или страны «посткоммунистического транзита». Такие названия ясно указывают на общее наследие постсоветских государств от коммунистического прошлого. Справедливости ради необходимо отметить, что на раннем этапе посткоммунистической эволюции транзитологическая парадигма была способна объяснять многие вещи. В частности, этот подход был эффективен в сравнительном объяснении существующих политических и экономических институтов, а также систем ценностей в ареале постсоветской Евразии, поскольку в первые годы после развала коммунистической системы люди региона разделяли идентичность, основанную на общем опыте в эпоху социализма. В данном контексте термин «посткоммунистический переход» всё ещё является полезным, поскольку основан на переходных постсоветских реалиях.

Однако важно осознавать и ограничения, налагаемые такого рода схемами: ориентируясь на встроенную в них телеологию, исследователь рискует не заметить «несущественных» с точки зрения именно этой самой телеологии фактов, которые не укладываются в «транзитологические» интерпретации. Всё больше становится очевидным, что «транзитологический» подход не может устраивать политологическое исследование⁴. Введение подобных рамочных исследовательских установок – что Россия должна развиваться обязательно в сторону демократии – препятствует предметно-ориентированному и свободному от оценок анализу. Чем дальше постсоветские общества отдаляются от событий начала 1990-х гг., тем больше данный подход теряет свою эвристическую силу. Разнообразие внутри постсоветских сообществ растёт стремительными темпами. В условиях такой сложной трансформации «транзитологический» подход, как отмечалось, предлагает лишь ограниченный круг исследовательских перспектив в посткоммунистическом развитии: рыночную экономику и политическую демократию. Становится очевидным, что телеология переходного периода в этой ситуации сдерживает пути познания постсоветской трансформации. Данный подход не объясняет, например, почему российский правящий класс в современных условиях пытается законсервировать переходное состояние общества, а не преодолеть его. И почему, например, отечественная политико-правовая модель «встроена» в атмосферу спекулятивного затыгивания политическими неопределённостями? У нас до сих пор нет концептуальных рамок для того, чтобы категоризировать процессы политической неопределённости в посткоммунистических обществах. Нам необходимо создать новую теоретическую рамку для анализа логики и динамики продолжающейся политической неопределённости.

В 1990-е гг. было модно приспособливаться к доминирующему тону западных объяснительных моделей постсоветского развития. В течение всего этого периода «транзитологическая» парадигма осуществляла своего рода духовную опеку социальных знаний в России. Российские специалисты стали чувствовать себя весьма комфортно в таком интеллектуальном климате, поскольку он казался многим из них фешенебельным и солидным. В значительной степени это лишало российское политологическое сообщество мыслительной энергии. Думается, в данной ситуации было бы уместным и многообещающим рассматривать вопрос о природе российской переходности, ставя во главу угла концепт «неопределённость». Отечественное политологическое сообщество способно предложить новые познавательные альтернативы описательным «транзитологическим» схемам.

УДК 323 (470+571)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Д. С. Горелик

Саратовский государственный университет
E-mail: dmitriy.gorelik@mail.ru

В статье рассматриваются институциональные изменения в политической системе России, которые отразились на модернизационных преобразованиях.

Ключевые слова: политическая модернизация, политико-правовая система, правовое государство.

Institutional Prerequisites for Political Modernization in Russia

D. S. Gorelik

The article considers institutional changes in political system of Russia, which have an effect on modernization transformation.

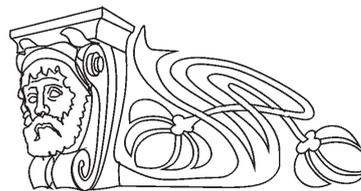
Key words: political modernization, political-legal system, legal state.

Среди важнейших стратегических целей политической модернизации российского общества заявлено становление правовой государственности.

В 1990–2000-е гг. произошли радикальные преобразования не только в экономике, но и в политико-правовой системе. Самым принципиальным изменением в системе государственной власти периода новейшей истории стали введение в 1991 г. поста Президента РСФСР и соответствующее перераспределение властных функций между различными ветвями власти. Несмотря на то что Съезд народных депутатов как высший орган государственной власти и Верховный Совет сохраняли широкие полномочия в области

Примечания

- ¹ См.: Магомедов А. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу». М., 2000. С. 200.
- ² Offe C. Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe // Social Research. 1991. Vol. 58, №. 4. P. 865–892.
- ³ См., например: Шмунтер Ф., Карл Т. Что такое демократия, а что – нет // Демократия. Теория и практика. М., 1996; Мельвилль А. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. № 2. С. 6–38.
- ⁴ Одним из первых на это указал Б. Капустин (Капустин Б. Г. Посткоммунизм как постсовременность. Российский вариант // Полис. 2001. № 5. С. 6–28).

законодательной деятельности, определения внутренней и внешней политики, принятия решений по вопросам государственного устройства и т. д., многие их прежние права, включая подписание и обнародование законодательных актов, формирование правительства и назначение его председателя, контроль его деятельности отошли к Президенту РСФСР как высшему должностному лицу в Российской Федерации.

Подобное перераспределение полномочий в условиях отсутствия парламентских традиций и отработанного механизма согласования интересов часто становилось причиной острых правовых и политических коллизий во взаимоотношениях законодательной и исполнительной власти. Именно данный факт привел в октябре 1993 г. к открытому конфликту, завершившемуся роспуском Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ и ликвидацией системы Советов.

Все институциональные изменения были закреплены в нормативно-правовых актах. Принятие Конституции Российской Федерации 12 декабря 1993 г. как важнейшего этапа в процессе политической модернизации позволяет утверждать, что в результате ускоренной модернизации демократическая Конституция была введена авторитарными методами.

Конституция разрабатывалась и принималась в условиях жесткого противостояния сил старого порядка и формирующегося нового режима. При-